

Федикс Чечик

СПБ — МСК

1

а на марсовом поле сирень
в летнем тоже но только пожиже
я от собственных слез отсырел
как георгий иванов в париже

пятипалой сиренью дыша
и не строя ни замков ни планов
по гороховой бродит душа
и ее окликает иванов

2

дождик в александровском саду
по сердцу крапиве и бурьяну
к александр сергеичу зайду
к николай василичу нагрюну
где они живее всех живых
ниже муравьев и выше славы
вновь соображают на троих
глядя александровские травы

3

Первый ужас — колом,
остальные, как сны:
от ростральных колонн

до расстрельной стены,
где затворы стучат,
ночь и ужас поправ.
И на озере Чад
умирает жираф.

4

Ты — Ахматова, я — Гумилев
в царскосельской аллее:
тише бабочек, царственной львов
и поэтов целее.
Мы глядим под музыку сверчка, —
без смычка, да по нервам,
в небеса голубого ЧК —
навсегда в двадцать первом.
Мы в разводе давно, и давно
два в одном — и навеки:
полюбившие времени дно,
пересохшие реки.
Слева — шик и убогость дворца,
справа — детства поляны.
А в груди золотые сердца
Николая и Анны.

5

БАСНЯ

из летнего сада
чугунна ограда
к неве
там где троицкий мост
лисица мартышка
летейского ада
по глади прохладной

до звезд
 медведь и лягушка
 и времени тушка
 бегут
 от июльской жары
 на звездное небо
 не в поисках хлеба
 а в поисках
 млечной дыры
 и смотрят вослед
 отпуская улов
 праправнук и дед —
 душка И. А. Крылов

6

Прогуливаясь возле дома,
 где останавливался Блок,
 где все до боли незнакомо, —
 лишь неба звездный потолок,
 да желтые цветы жасмина, —
 уже без запаха почти,
 ты жизнь, промчавшуюся мимо,
 своим отсутствием почти.

7

Итак: от Яузских ворот
 и до Пречистенских — впервые,
 июнем тополиным вброд
 идут погибшие-живые,
 свернув на Соймоновский, чтоб
 вернуться через год к любимым,
 где в небе облака сугроб,
 растаяв, станет тополиным.

8

катаются слова во рту его
 воздвиженка ильинка но
 рискни здоровьем про алтуфьево
 печатники и люблино
 кишка тонка дал дуба боженька
 скажи спасибо что живой
 покровка сретенка остоженка
 и маросейка с моховой

9

С. З.

иду среди людей в тиши
 в конце как если бы вначале
 по улицам твоей души
 к бульварному кольцу печали
 звезда еще одна звезда
 ночным изюмом в сдобной булке
 минуя даев навсегда
 горят в костянском переулке

10

Тщету осознавая,
 не ставя жизнь ни в грош,
 под музыку трамвая
 вдоль Яузы идешь.
 И с каждым днем все хуже
 и все смертельней яд.
 Вдоль ядовитой лужи —
 куда глаза глядят.
 Идут с тобою рядом
 такие же, как ты,

под неусыпным взглядом
безмолвной темноты.
О, где ты? Где ты? Где ты?
Приснись скорее нам:
кораблик из газеты,
бегущий по волнам.
Разорванный на части —
уже невдалеке...
И мы умрем от счастья
на Яузе-реке.

11

как светотень среди деревьев
на фоне смерти и любви
стромынка анатолий зверев
и летним утром воробьи
и никого вокруг и только
трамвая утренняя трель
да мелкий дождик ненадолго
пошел штрихуя акварель

12

скоро восемь десятков лежат под москвой
кто лежит на холме кто во рву
унавозили землю и стали травой
но скосили под корень траву
распродажа любви пахлава хохлома
банк и лютик-ромашку сорвем
и глядят не мигая солдаты с холма
и мерцает звезда надо рвом

13

Столько лет, и поныне,
как моторам в груди,
этим клешам и мини —
сносу нет. Подтверди!
На судьбу не в обиде,
заступив за черту,
в старомодном прикиде
мы идем по стриту.
Слева — Пушкин, а справа —
«Интурист» навсегда.
И любовь и отрава
и Неглинки вода.
Ну, а на небе прямо,
заигравшись в слова:
Петербург Мандельштама
и Дениса Москва.